

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

P0555122

119(с)
1889

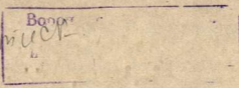
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВТОРОЙ.

1889.

М а й.

отъ отъиска

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1889.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВТОРОЙ.

1889.

М А Й.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ИЗЪ ОБЛАСТНОЙ СТАРИНЫ. ВОРОНЕЖСКАЯ СТАРИНА.
I. Иноземцы-судостроители. II. Лѣсные пожары. М. А. Ве-
невитинова.
- II. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ. I. Укла-
дочка.—II. Пристройли.—III. Мезальяньс. Н. В. Успенскаго.
- III. ВЪ ГАЛИЛЕЕВЪ. Гл. IX—XI. (Окончаніе). Евг. Л. Маркова.
- IV. „АЛМАЗЫ СНѢГА ОТРЯХАЯ“. Стихотвореніе П. П. Гябдича.
- V. ПЕРВЫЕ ШАГИ И. А. КРЫЛОВА НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ
ПОПРИЩѢ. Л. Н. Майкова.
- VI. МОЛОДЕЖЬ. Романъ. Часть третья. Гл. XI—XIV. К. Ѳ. Ор-
ловскаго.
- VII. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ. (На мотивъ Гейне). Стихотвореніе
А. Н. Майкова.
- VIII. ЖОЗЕФЪ ДЕ-МЕСТРЪ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОК-
ТРИНА. П. А. М—ва.
- IX. ПО ПОВОДУ МОЕГО РАЗСКАЗА. Н. Д. Ахшарумова.
- X. НАШЕ ВОЕННОЕ ДѢЛО. * * *.
- XI. „НЕПОГОДНАЯ НОЧЬ... ВЬЮГА ВВЕТЬ ВЪ ПОЛЯХЪ“.
Стихотвореніе Гр. А. А. Голенищца-Кутузова.
- XII. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Гл. III—VI. (Оконч.).
А. П. М—скаго.
- XIII. КРИТИКА. I. Искомая правда. Проф. Н. И. Азаревичъ. Правда въ
гражданскомъ процессѣ. Спб. 1888. К. Н. Ярша.—II. Вопросъ
о происхожденіи организмовъ. Дарвинизмъ. Критич. изслѣдов.
Н. Я. Данилевскаго. Томъ II (посмертная глава). Спб.
1889. В. И. Розанова.

- XIV. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Перикль. Историко-критическій этюдъ. В. Бузескуда, прив.-доц. Имп. Харьк. университета. Харьк. 1889.—II. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издан. гр. Н. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Спб. 1889.—III. Московская флора. Проф. Н. Н. Кауфмана. Изд. 2-е, испр. и дополн., подъ ред. П. Маевского. М. 1889.—IV. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. М. Н. Богданова, проф. Спб. университета (Посмертное издание). Спб. 1889.
- XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Современное состояніе нашей сельской школы.—Тарифный законъ.—Иностранная кабала въ нефтяномъ дѣлѣ.—Наказанная дерзость.—Открытіе памятника Императору Александру II.—Отзывъ англійскаго дипломата о русскихъ финансахъ.
- XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Парижъ, 19 го апрѣля (1-го мая н. с.). 1889 г. С. С. Татищева.
- XVII. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Письмо цесаревича Константина Павловича графу Сакену, сообщ. Н. К. Шильдеромъ).—II. Заботы Императрицы Екатерины II и Павла I о сокращеніи роскоши (изъ собранія П. Я. Дашкова).—III. Нѣчто о біографіяхъ литературныхъ дѣятелей (сообщ. А. П.—скимъ).
- XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.
- XIX. ПРИЛОЖЕНІЕ: Въ царствѣ „разумнаго“. Романъ. В. Безанта. Гл. IV—XVI. (Оконч.).

ИЗЪ ОБЛАСТНОЙ СТАРИНЫ.

Воронежская старина.

I.

Какъ строили суда иноземцы.

Воронежское судостроеніе, основанное Петромъ I еще въ 1694 году, до первой поѣздки его за границу, велось кое-какъ; приходилось довольствоваться рабочей силою, набранною изъ мѣстнаго помѣщичьяго и крестьянскаго населенія, руководимую случайными спеціалистами, большею частію изъ бѣломорскихъ мореходовъ и, главное, изъ заѣзжихъ иностранцевъ, въ качествѣ *мѣлицъ*, готовыхъ исполнять всякія ученія и неученія порученія. Корабельные лѣса, доставлявшіе матеріалъ для судостроенія, не были описаны и достаточно обследованы; техническія условія не были вполне выяснены; образцы и модели судовъ составляли предметъ долгихъ изысканій и сложныхъ заботъ по выпискѣ ихъ изъ-за границы, причемъ при выборѣ моделей случайность очень часто руководила выборомъ царя. Къ тому же главный помощникъ Петра по строенію флота, адмиралтеецъ А. П. Протасьевъ, занимался болѣе составленіемъ своего состоянія посредствомъ взятокъ и поборовъ, чѣмъ порученнымъ ему дѣломъ. Грязный процессъ его, до рѣшенія котораго онъ не дожилъ, и замѣненіе его въ должности адмиралтейца Федоромъ Матвѣевичемъ Апраксиннымъ и выдѣленіе флотскихъ и судостроительныхъ дѣлъ изъ вѣдомства Владимірскаго Суднаго приказа въ особое учрежденіе, основанное подъ именемъ приказа Адмиралтейскихъ Дѣлъ, оживило, на сколько то было возможно, ходъ постройки Азовскаго флота. Но главный толчекъ этому дѣлу данъ былъ за-

границною поѣздкой Петра Великаго. Онъ вернулся изъ Саардама опытнымъ корабельнымъ плотникомъ, а личныя его сношенія и знакомство съ руководителями морскаго дѣла въ Англіи, Голландіи, Франціи и другихъ странахъ дали ему возможность привлечь опытныхъ иностранныхъ корабельныхъ мастеровъ и при ихъ содѣйствіи примѣнить къ постройкѣ Азовскаго флота всѣ данныя тогдашней науки кораблестроенія. На берега рѣкъ Воронежа и Дона прибыли массы иностранцевъ—англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, шведовъ, датчанъ, голландцевъ, испанцевъ, итальянцевъ и грековъ. Государь всѣмъ давалъ занятіе и пользовался ихъ услугами въ качествѣ капитановъ кораблей, шкиперовъ, артиллеристовъ, литейщиковъ, архитекторовъ, строителей судовъ и мастеровъ по всѣмъ отраслямъ корабельнаго дѣла. Понятія западной Европы о Россіи были въ то время крайне поверхностны и превратны. Отправляясь на Воронежскія верфи, иностранцы воображали себѣ, что ѣдутъ въ очень далекую страну, изъ которой трудно возвратиться, въ дикій край, въ которомъ живутъ грубые варвары и чуть ли не людоеды. Предстоявшая имъ въ этомъ краю будущность заставляла ихъ обезпечивать себя выгодными договорами, а Петръ Великій, желая привлечь ихъ въ большемъ числѣ, доставлялъ имъ всевозможныя льготы и широкое покровительство. Съ одной стороны предпочтеніе, оказываемое царемъ иностранцамъ передъ русскими, возбуждало взаимныя столкновенія и придавало имъ понятную рѣзкость. Русскіе недовольны были энергичными мѣрами, примѣненными для скорѣйшаго созданія флота, валогами, денежными и натуральными повинностями, непосильнымъ трудомъ, затруднительными требованіями. Иностранцы были отчуждены отъ кореннаго населенія незнакомствомъ съ мѣстнымъ языкомъ, и обращались съ нимъ свысока, считая русскихъ за варваровъ. Кромѣ различія языковъ, на рѣзкости взаимныхъ отношеній вліяло также различіе вѣроисповѣданій. Не забудемъ, что въ концѣ XVII в. религіозные вопросы, волновавшіе древнюю Русь, особенно обострились, что предпринятое Никономъ исправленіе церковныхъ книгъ породило протестъ, отразившійся не только въ религіозной, но и въ политической области. Если различіе взглядовъ заставило русскихъ старовѣровъ отдѣлиться отъ господствующей церкви, то болѣе существенныя догматическія различія съ католичествомъ и протестанствомъ могли заставлять тогдашнихъ рус-

скихъ людей смотрѣть на *латыннѣ* и *люторовъ*, какъ на еретиковъ, подлежащихъ такому же проклятію, какъ іудей, магометане и язычники. Татарское иго, вслѣдствіе набѣговъ степныхъ кочевниковъ, продолжавшихся почти до конца XVII вѣка, было еще свѣжо въ памяти. Сознаніе народности, укрѣпившееся въ войнахъ со шведами, поляками, турками и крымцами, не могло мириться съ явнымъ предпочтеніемъ, которое Петръ оказывалъ иностранцамъ. И вотъ, въ это-то самое время обостреннаго религіознаго и національнаго чувства русскаго народа, являются въ Россію католики и протестанты, незнающіе мѣстнаго языка, незнакомые съ условіями быта и жизни, не сообразующіеся съ ними и предъявляющіе непосильныя и невозможныя требованія. Одно появленіе голландцевъ, англичанъ, шведовъ и прочихъ *нѣмцевъ* уже породило неудовольствіе въ средѣ мѣстнаго населенія, а ихъ высокомѣрное поведеніе возбудило упорный, хотя и молчаливый, протестъ со стороны русскаго народа, душа котораго не лежала къ этимъ иностранцамъ и который работалъ для нихъ лишь изъ повиновенія царю. Любопытно было это столкновеніе европейскаго уклада съ русскою жизнію. Русскіе нравы на границѣ XVII и XVIII вѣковъ казались слишкомъ грубы для западныхъ искателей приключеній, которые пытались спастись изъ Россіи бѣгствомъ, не смотря на разставленные Петромъ вокруг Воронежа караулы и заставы для предупрежденія побѣговъ иностранцевъ¹⁾. Бытоописатель однако помедлитъ произнесеніемъ приговора и для правильной постановки его постарается собрать предварительно матеріалъ, котораго у насъ вообще недостаетъ для изученія обратной стороны Петровской реформы. Мы вообще въ нашей исторической наукѣ болѣе знакомы со взглядами знатныхъ иностранцевъ на Россію²⁾, чѣмъ со взглядами незнатныхъ русскихъ на иностранцевъ.

Предлагаемые документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ и въ яркихъ бытовыхъ чертахъ рисуютъ взаимныя отношенія одного изъ иностранныхъ мастеровъ къ мѣстному населенію Воронежскаго уѣзда.

Мастеръ этотъ былъ—грекъ Иванъ Федотовъ. Специальныя сочиненія, посвященныя исторіи Воронежскаго судостроенія, не даютъ намъ точныхъ указаній о томъ, когда именно и откуда пріѣхалъ онъ въ Россію. Онъ не названъ ни у Устря-

¹⁾ Елагинъ, Ист. русс. фл. (Спб. 1864, стр. 87—88)

лова, ни у Елагина, ни у Веселаго въ числѣ законтрактованныхъ заграницею мастеровъ и, вѣроятно, подразумѣвается между лицами, поцавшими въ общее число славянъ и грековъ, нанятыхъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Устряловъ (т. III, стр. 104—105) говоритъ, что во время поѣздки Петра за границу послы его „приняли на русскую службу болѣе 100 человекъ грековъ, славянъ, венеціанъ, итальянцевъ, поляковъ, въ капитаны, штурманы, матросы, заботясь особенно найти мореходовъ, знакомыхъ съ Чернымъ моремъ“. У Елагина въ его Исторіи русскаго флота (Приложенія, ч. II, стр. 219) мы встрѣчаемся съ расходнымъ документомъ Адмиралтейскаго приказа 1700 и 1702—1703 годовъ, изъ котораго узнаемъ о размѣрѣ жалованья, получавшагося четырнадцатью иноземцами корабельнаго дѣла мастерами. На первомъ мѣстѣ въ списокѣ этихъ мастеровъ стоитъ *Ritter* (дворянинъ) съ весьма высокимъ по тому времени годовымъ окладомъ, именно въ 1.060 руб., затѣмъ *Осипъ Най* съ окладомъ въ 730 руб.; потомъ слѣдуютъ *Янъ Терлій*, *Арианъ Ариановъ*, *Выбе Гересъ* и *Янъ Ренсъ*, получавшіе отъ 320 руб. до 145 руб. съ 6 алтынами и 4 деньгами. *Иванъ Ѳедотовъ*, съ жалованьемъ въ 120 рублей, стоитъ въ серединѣ списка, который заканчивается 7 именами лицъ, получавшихъ каждое по 105 руб. 20 алтынъ и, наконецъ, опредѣляетъ послѣдному изъ нихъ окладъ въ 90 руб. Такимъ образомъ, Иванъ Ѳедотовъ оказывается въ числѣ мастеровъ средней руки, не особенно дорогихъ по платѣ и потому, вѣроятно, не особенно знающимъ въ сравненіи съ вышепоименованными англичанами и голландцами, которые стоили русскому правительству дороже.

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ намъ удалось отыскать подлинныя документы, свидѣтельствующіе о томъ, гдѣ, когда и кѣмъ именно изъ русскихъ стольниковъ, учившихся заграницею морскому дѣлу, былъ нанятъ въ службу русскаго царя занимающій насъ грекъ И. Ѳедотовъ. Документы эти, находящіеся въ дѣлѣ о выѣздѣ иностранцевъ въ Россію въ 1698 г. (дѣло № 54, св. 17), состоятъ изъ пяти листовъ подъ обложкою съ слѣдующимъ заглавіемъ: „1698 г. іюня 21 и 23. Отправленіе изъ Вѣны чрезъ Смоленскъ въ Москву нанятыхъ въ російскую службу въ Венеціи грековъ, морскаго капитана Николая Варо, боцмана и матросовъ, всего восемь человекъ, тутъ же ихъ допросы“. Греки эти поименованы въ слѣдующемъ порядкѣ: капитанъ

Николай Варо, Геронимъ Ивановъ, Георгій Даниловъ, Иванъ Ѳедотовъ, Иванъ Евангелевъ, Евангелій Ивановъ, Кириакъ Стратовъ и Маринъ Антоніевъ. Всѣ эти имена названы въ спискѣ, въ заголовкѣ котораго находимъ слѣдующее указаніе: „206 г. іюня въ 21 день въ Вѣнѣ явились великимъ и полномочнымъ посломъ¹⁾ наняты царскаго величества отъ стольниковъ, которые нынѣ обрѣтаются въ Венеціи, греки“. Далѣе документы Московскаго архива содержатъ въ себѣ распросныя рѣчи названныхъ грековъ, которыхъ, какъ моряковъ и корабельныхъ мастеровъ, стольники, во время своего пребывания за границей, обязаны были нанимать каждый въ числѣ по крайней мѣрѣ одного человѣка. Въ допросѣ своемъ греченинъ Иванъ Ѳедотовъ сказалъ: „нанялъ-де его въ службу князь Андрей, князь Ивановъ сынъ Репнинъ, въ какую пригодится, а умѣетъ онъ матросское дѣло, и далъ ему на дорогу тридцать дукатовъ и отпустилъ изъ Венеціи къ Москвѣ“. Тѣ же 30 дукатовъ составляли размѣръ выдачи и остальнымъ товарищамъ Ѳедотова, кромѣ Николая Вара, который, въ качествѣ не простаго матроса, а капитана, получилъ на дорогу семьдесятъ червонныхъ. Всѣ эти греки отправились въ Москву чрезъ владѣнія польскаго короля и Смоленскъ. Послы выдали съ этою цѣлью капитану Николаю Варо „съ товарищи“, проѣзжій листъ, помѣченный 23 іюня, т. е. чрезъ два дня послѣ пріѣзда грековъ въ Вѣну.

Дѣятельность Ѳедотова по судостроенію въ Воронежѣ была довольно разнообразна, и онъ часто упоминается въ изданныхъ Елагинымъ подлинныхъ матеріалахъ. Полный обзоръ этой дѣятельности не входитъ въ нашу задачу. Намъ достаточно остановиться на тѣхъ поручавшихся Ѳедотову работахъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему дальнѣйшему разсказу, именно къ постройкѣ имъ шнявъ и плавучаго дока. Кстати это даетъ намъ случай объяснить читателямъ темное выраженіе *Смо*, которое встрѣчается въ послужившихъ намъ рукописныхъ источникахъ.

Въ инвентарѣ русскихъ военныхъ судовъ, составленномъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, мы находимъ указаніе, что Ѳедотовъ (вѣроятно, Иванъ) былъ въ 1700—1702 годахъ строителемъ четы-

¹⁾ Послами этими, какъ извѣстно, были: Фр. Я. Лефортъ, бояринъ Ѳ. А. Головинъ и думный дякъ Пр. Б. Возницынъ (Елагинъ, Ист. русск. флота, стр. 91).

рехъ шнявъ Воронежскаго флота; одна изъ нихъ не носила имени, а три другія назывались Таймаларь, Лебедь и Гусь. Мѣсто постройки Таймалара указано на Рамонской пристани ¹⁾. Въ спискѣ судовъ Азовскаго флота 1696—1712 г., приложенномъ къ исторіи Елагина (стр. 44—45), работѣ Ѳедотова приписаны лишь безъимянная шнява и шнява Таймаларь или Темляръ. Первая изъ нихъ достигла устья рѣки Воронежа, гдѣ и оставалась до начала 1704 г., а Таймаларь, Лебедь и Гусь доходили до Азова, плавали по Азовскому морю и послѣ Прутскаго мира были переведены въ Черкасскъ. Время закладки безъимянной шнявы, именно 1 апрѣля 1700 года, подтверждается рукописными матеріалами, которые служатъ источниками дальнѣйшему нашему разсказу. Во второй части приложеній къ книгѣ Елагина мы находимъ еще другія свѣдѣнія объ этихъ судахъ. Изъ описи Воронежскаго флота, относящейся къ 28 февраля 1708 г. ²⁾, узнаемъ, что на устьѣ рѣки Воронежа стояла „Шнау, длина 65 футъ, ширина 12 футъ 6 дюймовъ, индеруймъ 6 футъ 4 дюйма, 16 пушекъ, дѣлалъ грекъ Иванъ Ѳедотовъ, заложена въ 1700 году апрѣля 1-го, на воду спущена въ 1702 году мая 1-го“ ³⁾, а на Рамонской пристани „судно Шнау длиною 60 футъ, шириною 16 футъ, глубиною 6 футъ 6 дюймовъ, дѣлалъ грекъ Иванъ Ѳедотовъ, заложено въ 1702 г. сентября въ 15 числѣ“ ⁴⁾. Первое судно было безъимянной шнявой, принадлежавшей къ числу бомбардирскихъ кораблей, подлежащихъ постройки Кумпанствомъ Троице-Сергіева монастыря; второе уже знакомый намъ Таймаларь, обязанный быть изготовленнымъ на средства Кумпанства гостей, т. е. купечества ⁵⁾. Посланное изъ Воронежа 5 апрѣля 1703 года на имя Ѳ. М. Апраксина письмо извѣщало его, что „корабли, до устья Воронежскаго 13 кораблей, да судно Сно (шнява), что дѣлалъ Иванъ Ѳедотовъ, проведены и поставлены на мѣста апрѣля по 2 число безъ трудности“ ⁶⁾. Мы уже видѣли, что еще весною 1704 г., эта шнява стояла на Дону близъ устья Воронежа и не подвинулась оттуда.

Другое казенное порученіе, данное Ивану Ѳедотову, касалось постройки подъемнаго судна, „чѣмъ корабли на мелкихъ

¹⁾ Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годъ, издавіе Морскаго министерства (Спб., 1872 г. стр. 506—507).

²⁾ Елагинъ, Приложенія, ч. II, (Прилож. IV, № 122).

³⁾ Елагинъ, Прилож. ч. II, стр. 29 и 30.

⁴⁾ Елагинъ, Прилож. ч. II, (Приложеніе IV, № 99, в. стр. С.).

мѣстахъ поднимать“. Къ такому побочному средству поневолѣ приходилось прибѣгать не только на рѣкѣ Воронежѣ, но и на Донѣ, для проводки отъ верфей въ Азовъ построенныхъ и приготовленныхъ къ плаванію и войнѣ кораблей. Для объясненія цѣли и назначенія плавучихъ доковъ, которыми, вѣроятно, и были заказанныя И. Ѳедотову подъемныя суда, считаемъ не лишнимъ привести изъ книги Елагина выписку изъ донесенія англійскому государственному секретарю. „..... Это даетъ мнѣ случай“, пишетъ ему англійскій посолъ Витвортъ (Whitworth) отъ 14 марта 1705 года изъ Москвы, „сказать нѣсколько словъ о большомъ царскомъ флотѣ, который строится въ Воронежѣ, мѣстѣ, лежащемъ на рѣкѣ Донъ или Танаисѣ, около 400 англійскихъ миль отъ Москвы... Первая попытка судостроенія не увѣнчалась большимъ успѣхомъ, потому что для работы употреблялся свѣжій лѣсъ, корабли и галеры чрезъ два года послѣ ихъ постройки почти развалились, хотя не видали никакой службы. Они разобраны, и два англійскіе строители работаютъ съ такимъ стараніемъ, что суда, по отзывамъ офицеровъ, вышли очень хороши и прочны, и что большая часть изъ нихъ на будущій годъ спустится внизъ по рѣкѣ, хотя я знаю изъ очень вѣрнаго источника, что на переходъ отъ Воронежа до Азова имъ понадобится почти два года, по непродолжительности лѣта и по множеству мелей, у которыхъ они должны будутъ останавливаться въ ожиданіи полной воды; для отвращенія этого, въ нѣкоторой степени, царь строитъ подъемныя суда (floodboats), подобныя тѣмъ, какія употребляются въ Голландіи для поднятія судовъ, и одна изъ причинъ его настоящаго путешествія ¹⁾ состоитъ въ томъ, чтобъ лично убѣдиться въ успѣхѣ этой попытки“ ²⁾. Необходимость плавучихъ доковъ на рѣкѣ Воронежѣ чувствовалась еще болѣе, чѣмъ на Донѣ. Очень вѣроятно, что рукописные документы, которыми мы будемъ далѣе пользоваться въ нашемъ разсказѣ, относятся именно къ тому подъемному судну, о которомъ находимъ свѣдѣнія въ слѣдующемъ предписаніи Государя на имя Ѳ. М. Апраксина, данномъ въ февралѣ 1700 года: „Господину адмиралтейцу меморіаль. На Воронежѣ сколько возможно изготова кораблей свестъ на Донъ и подъ Таганрогъ; то жъ учинитъ и Азовскимъ. *Исправя*

¹⁾ Въ Воронежѣ.

²⁾ Елагинъ, Приложенія, ч. II, стр. 36 (Приложеніе IV № 133).

докъ пловучій, спуститъ на воду и проводитъ до Воронежа, а на низъ не водить, потому что и на Воронежъ ему дѣла будетъ много¹⁾, и т. д.

Изъ всего изложеннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что грекъ Иванъ Ѳедотовъ, какъ по размѣру получаемаго имъ жалованья, такъ и по рангу судовъ, которыя онъ строилъ, не принадлежалъ съ числу особенно важныхъ иностранцевъ, привлеченныхъ Петромъ въ Россію. Его дѣятельность связывалась преимущественно съ исполненіемъ заказовъ, возлагавшихся, какъ обязательная повинность, на кумпанства низшаго разряда, монастырскія и гостинныя, тогда какъ болѣе почетныя кумпанства носили имена думныхъ боярѣ, окольныхчихъ и лицъ, занимавшихъ высшія придворныя должности, патриарха, митрополитовъ и епископовъ. Правда, какъ и прочіе иностранные мастера, Ѳедотовъ находился въ прямомъ подчиненіи главному адмиралтейскому начальству, но самыя большія деньги зарабатывалъ не у казны, а на частныхъ подрядахъ въ кумпанствахъ. Впрочемъ, ему и правительство давало нѣкоторыя порученія, но они уже выходятъ изъ рамокъ нашей статьи.

Познакомившись такимъ образомъ съ личностію занимающаго насъ корабельнаго мастера, съ его оффиціальнымъ и общественнымъ положеніемъ, мы можемъ теперь въ надеждѣ на достаточность нашихъ предварительныхъ разъясненій, обратиться къ изложенію разсказа, основаннаго на рукописныхъ источникахъ.

4-го января 1699 года корабельный мастеръ грекъ Иванъ Ѳедотовъ былъ посланъ изъ Воронежа въ боръ для заготовленія припасовъ на строеніе англійскаго корабля. Лицамъ, завѣдывающимъ лѣсами по рѣкѣ Воронежу, мѣстнымъ воронежскимъ дворянамъ Александру Трофимовичу Михневу и Антону Лаврентьевичу Веневитинову, были въ тотъ же день отпращены указы изъ государева Шатра съ предписаніемъ принскать въ заготовленныхъ лѣсахъ особыя деревья, подходящія къ лекаламъ или моделямъ, которыя Иванъ Ѳедотовъ повезъ съ собою. Посылка этого мастера съ лекалами, по всей вѣроятности, потребовалась вслѣдствіе того, что заготовленные ранѣе кокоры (бревно съ колѣномъ) оказались короткими и по тому не пригодными. Хотя, такимъ образомъ, первоначальныя строитель-

¹⁾ Выписка эта заимствована изъ Исторіи Петра Великаго, Устрялова (т. III, стр. 449, Приложение I, № 60).

ные расчеты и не оправдывались на дѣлѣ, но распоряженіемъ изъ государева Шатра А. Михневу и А. Веневитинову приказывалось „прислать на Воронежъ заготовленные земляныя коренныя кокоры не мѣшкавъ, потому что строенію Великаго Государя казенныхъ кораблей за тѣми кокорами учинилась остановка“. Указъ царя нужно было исполнить, и какъ можно скорѣе. Но А. Веневитиновъ, строго слѣдуя установленному порядку оффиціальныхъ свошеній, не повѣрилъ на слово Ивану Ѳедотову и ожидалъ подтвердительнаго приказанія на свое имя отъ своего прямаго начальства, которое, по стариннымъ приказнымъ преданіямъ, должно было точно и опредѣленно выразить свои требованія. 7-го января землянецъ Иванъ Кашприновъ отправился съ рѣки Воронежа верстъ за тридцать въ городъ и подалъ адмиралтейцу Протасьеву привезенную имъ изъ бору отписку А. Веневитинова. Отписка эта, но обычному въ то время приему дѣлопроизводства, начиналась установленіемъ фактовъ: „Въ нынѣшнемъ въ 207 году, генваря въ 5 день пріѣхалъ съ Воронежа Великаго Государя изъ Шатра корабельный мастеръ Иванъ Ѳедотовъ ко мнѣ на Животинскую пристань и велѣлъ мнѣ работными людьми готовить лѣсные корабельные припасы“. Но А. Веневитиновъ не получилъ ни изъ Шатра, ни отъ присланнаго корабельнаго мастера никакихъ указаній о количествѣ и качествѣ требуемаго, а самъ Иванъ Ѳедотовъ не могъ ему ничего объяснить по незнанію русскаго языка. Положеніе было затруднительное, и Веневитинову пришлось по неволѣ объясняться съ Государевымъ Шатромъ. „И сколько“, писалъ А. Веневитиновъ, „ему (то есть Ивану Ѳедотову) велѣно тѣхъ корабельныхъ лѣсныхъ припасовъ изготовить и по какому образцу и велѣно ли, и о томъ съ Воронежа Великаго Государя указу изъ Шатра отъ тебя, окольниковаго Александра Петровича, съ товарищи, ко мнѣ на Животинскую пристань не прислано и толмача съ нимъ, Ивановъ, нѣтъ и языка его у меня знать некому“. Отписка кончалась, повидимому, отчаяннымъ, но обыкновеннымъ тогда въ подобныхъ обстоятельствахъ вопросомъ: „и о томъ окольниковій Александръ Петровичъ, съ товарищи, что мнѣ укажетъ?“ Оказалось, что ожидаемый Веневитиновымъ указъ былъ уже порученъ для доставки Ивану Ѳедотову при его отправленіи изъ Воронежа, но снѣ, являсь въ боръ, или забылъ передать его по назначенію, или не передалъ для приданія себѣ пущей важности. Тотъ же Кашприновъ въ тотъ же день, то есть 7 января,

долженъ былъ отправиться изъ Воронежа обратно въ боръ съ отвѣтнымъ указомъ, подписаннымъ дьякомъ Осипомъ Ивановымъ. Указомъ этимъ Веневетинову предписывалось готовить лѣсные припасы по тѣмъ лекаламъ, какія посланы съ Ѳедотовымъ и въ такомъ числѣ, въ какомъ „по тѣмъ лекаламъ велить онъ, Иванъ, готовить“. А о толмачѣ такъ ничего и не было сказано, и Веневетинову поневолѣ приходилось вступить съ присланнымъ къ нему грекомъ въ сношенія, напоминающія времена Вавилонскаго смѣшенія языковъ. Тѣмъ не менѣе они кое-какъ постарались объясниться, и уже на другой день, т. е. 8 января, Веневетиновъ послалъ въ Воронежъ восемь *кривулъ*, изготовленныхъ по лекаламъ Ивана Ѳедотова. Однако, не смотря на такую поспѣшность, А. Веневетиновъ все-таки не угодилъ начальству и оставилъ въ бору самую нужную кривулю „и за тою кривулею корабельному дѣлу учинилась остановка“. Указомъ 12 января приказывалось доставить эту кривулю на Воронежъ тотчасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось: „также которыя дубовыя толстыя доски у тебя въ готовности есть, прислать бы тебѣ на Воронежъ къ Ѳедору Веневетинову ¹⁾ на распилку пильщикамъ тотчасъ же, и иные лѣсные корабельные припасы по росписямъ, также и на хоромное строеніе пластины прислать бы тебѣ на Воронежъ безъ всякаго замедленія, чтобъ всеконечно тѣ всѣ припасы нынѣшнимъ зимнимъ временемъ на Воронежъ были вывезены безъ замедленія“. Помимо выполненія этого новаго порученія, А. Веневетинову пришлось оправдываться относительно девятой кривули, въ время будто-бы не доставленной въ Воронежъ. Отвѣчая на вторичное отъ 15 января требованіе этой кривули, А. Веневетиновъ въ новой отпискѣ писалъ, что 8 января онъ изготовилъ вновь корабельные лѣсные припасы по *указыванью* мастера Ѳедотова и изъ числа этихъ припасовъ въ тотъ же день послалъ девять *выгибныхъ* большихъ кривулъ на землянскихъ, на сокольскихъ и костенскихъ подводахъ съ землянскими провожатыми, имена которыхъ приведены въ документѣ. Но въ концѣ отписки онъ опять жалуется на неполученіе изъ Воронежа изъ Шатра необходимыхъ лекалъ и указанія, сколько и по какому образцу велѣно Ѳедотову изготовить лѣсныхъ припасовъ. За тѣмъ, приводя въ свое оправданіе, что „по его Иванову, *указыванью* изготовленные кривули на Животинской пристани не

¹⁾ Брату Антона Лаврентьевича.

оставлено, а такой нужной кривули сдѣлать и знать не почему“, А. Веневитиновъ въ окончательномъ недоумѣніи спрашиваетъ его: „и о томъ, что мнѣ укажешь?“ Дѣло наконецъ разъяснилось указомъ 19 января; оказалось, что Ѳедотовъ пробылъ въ бору весьма недолго и, опять тѣмъ временемъ явившись въ Воронежъ, объяснилъ, что всѣ кривули имъ были своевременно изготовлены и положены въ извѣстное мѣсто, которое онъ нарочно указалъ А. Веневитинову, и приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправить ихъ на Воронежъ. Однако указаніе это было недостаточно и, конечно, по незнанію Ѳедотовымъ русскаго языка, вслѣдствіе чего потребовалась вторичная посылка Ѳедотова въ боръ, но въ сопровожденіи подъячаго Дмитрія Попова, знавшаго греческій языкъ. Оба эти лица поѣхали на Животинскую пристань лишь для того, чтобъ подтвердить А. Веневитинову указаніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ были положены кривули. Посланное по этому поводу А. Веневитинову предписаніе оканчивалось слѣдующими словами: „и какъ къ тебѣ сей великаго государя указъ придетъ, а Иванъ Ѳедотовъ съ подъячимъ къ тебѣ пріѣдутъ, и гдѣ онъ тѣ заготовливанныя кривули укажетъ, и ты бѣ тѣ кривули при немъ же, Иванѣ, и при подъячемъ, положи на подводы, послалъ на Воронежъ тотчасъ, потому что за тѣми кривулями корабельному дѣлу учинилась остановка“¹⁾ Конечно, А. Веневитиновъ справился бы съ злополучными кривулями гораздо успѣшнѣе, еслибы Ѳедотовъ зналъ по-русски или въ первый свой пріѣздъ взялъ съ собою въ боръ переводчика.

Ни Ѳедотовъ, ни Веневитиновъ не остались, повидимому, довольны впечатлѣніемъ первой встрѣчи, при которой каждый изъ нихъ старался подвести другаго подъ отвѣтственность начальства. Понятно, что и при новомъ служебномъ столкновеніи они не могли хладнокровно относиться другъ къ другу. Столкновеніе это произошло черезъ годъ послѣ перваго, именно весною 1700 года. Одинъ изъ молодыхъ любимцевъ Петра I, начинавшій входить въ его милость, именно Александръ Даниловичъ Меншиковъ²⁾, объявилъ словесно Ивану Ѳедо-

¹⁾ Изложенные документы извлечены изъ архива морскаго министерства (дѣла приказа Большой Казны, Азовской приказной палаты и парскаго Шатра на Воронежъ 1699 года № 1445, л. л. 5736, 6242, 63/43, 77/50, 109/64, 112/67 и 113/68).

²⁾ Меншиковъ былъ, какъ одинъ изъ *потышницъ*, деньщикомъ Петра Великаго. Еще въ азовскомъ походѣ царь и Меншиковъ жили въ одной палаткѣ. (См. статью Г. В. Есипова „Князь А. Д. Меншиковъ“ въ Русск. Архивѣ 1875 г., кн. II, стр. 234—235).

тову именной царскій указъ 4 марта, которымъ предписывалось сдѣлать плавучій докъ или, какъ гласилъ документъ, подписанный дьякомъ Никитою Полунинымъ, — „подъемное корабельное судно, на чемъ корабли на мелкихъ мѣstechъ поднимать“. Образецъ такого судна былъ данъ Ѳедотову изъ адмиралтейскаго двора, а лѣса на то судно приказано было готовить въ Воронежскихъ рощахъ въ тѣхъ кумпанствахъ, въ которыхъ на пристаняхъ Животинской, Чертовичкой и Грязновской рабочими людьми завѣдовали Александръ Михневъ, Антонъ Веневитиновъ и Иванъ Лосевъ. Всѣмъ этимъ лицамъ поручалось заготовить необходимый матеріалъ „по его иноземцевымъ росписямъ и по лекаламъ, какія ему понадобятся“. вмѣстѣ съ тѣмъ Ивану Ѳедотову поручалось составить за его рукою смѣтную роспись о томъ, „каково то судно будетъ длиною, и сколько какихъ лѣсовъ къ тому судну надобно“ и представить эту роспись въ адмиралтейскій дворъ для дальнѣйшихъ распоряженій ¹⁾. Дѣло было, повидимому, очень спѣшное, и адмиралтейскій дворъ, не дожидаясь полученія смѣты отъ Ѳедотова, уже 5 марта разослалъ Михневу, Лосеву и Веневитинову „памяти“ съ приказаніемъ готовить лѣсные припасы „по иноземцевымъ росписямъ и лекаламъ, каковы онъ будетъ присылать“ и по мѣрѣ изготовленія отсылать эти припасы „безо всякаго замедленія на указанное мѣсто, гдѣ то судно велѣно строить“. Но Ѳедотовъ не думалъ спѣшить и, не говоря уже о представленіи смѣтныхъ росписей, съ въ теченіе цѣлой недѣли не позаботился отправлять къ завѣдывающимъ работными людьми въ кумпанствахъ даже тѣхъ лекалъ и росписей, по которымъ они должны были готовить строительный матеріалъ. Такое промедленіе заставило адмиралтейскій дворъ „памятью“ 14 марта напомнить Ѳедотову объ его обязанностяхъ и потребовать отъ него отправки въ лѣса необходимыхъ лекалъ и росписей. Между тѣмъ русскіе, мелкіе по положенію исполнители распоряженій Петра Великаго, проявляли гораздо болѣе рвенія въ порученномъ имъ дѣлѣ. Опасаясь пени, опалы, разоренія и смертной казни, которыя за ослушаніе царской воли грозили въ большинствѣ случаевъ имъ, а не иноземнымъ мастерамъ, завѣдывающіе кумпанствами не желали быть въ

¹⁾ Указъ 4 марта 1700 г., котораго мы передали содержаніе, напечатанъ у Елагина, въ Приложеніи IV подъ № 39 (Истор. рус. флота, и т. д., Приложеніа, ч. I, стр. 468).

отвѣтъ за чужую вину и по собственному почину слѣдили за своевременнымъ получениемъ отъ иностранцевъ подлежащихъ указаній. Такъ, Иванъ Лосевъ уже 15 марта жаловался адмиралтейцу Апраксину на то, что Федотовъ не присылаетъ къ нему росписей и образцовыхъ лекаль, и въ своей отпискѣ, доставленной въ Воронежъ 16 марта съ землянскимъ солдатомъ Ивашкою Елатомскимъ, въ заключеніе спрашивалъ: „а что онъ, иноземецъ Иванъ Федотовъ, марта по 15 число росписей и лекаль ко мнѣ не присылывалъ и въ томъ, чтобъ мнѣ отъ Великаго Государя въ опалѣ и въ разореніи не быть, и о томъ, что ты, *адмиралтейскій* Федоръ Матвѣевичъ съ товарищи, укажешь?“ Адмиралтейскій дворъ, повидимому, мирволилъ иностранцамъ и вмѣсто того, чтобы понудить Федотова къ скорѣйшему выполнению его обязанности, Апраксинъ по жалобѣ Лосева ограничился слѣдующею помѣтою: „записать въ книгу, взять въ *столтъ*, а къ нему (т. е. Лосеву) послать Великаго Государя указъ, велѣтъ на то новое подъемное судно лѣсъ готовить и къ строенію отсылать, какъ пришлетъ тотъ мастеръ лекала и роспись тотчасъ“. Между тѣмъ Иванъ Федотовъ побывалъ въ лѣсу у Лосева, но не видѣлся съ нимъ, и 19 марта въ свою очередь подалъ на него встрѣчную жалобу. Жалоба эта вошла въ содержаніе „памяти“ 20 марта, посланной изъ Адмиралтейскаго двора на имя Лосева и сохранившейся въ черновомъ видѣ. Въ зачеркнутыхъ строкахъ мы читаемъ, что 15 марта Федотовъ ѣхалъ изъ Воронежа въ боръ и заѣхалъ въ Кумпанство Лосева, но не *изѣхалъ*, то есть не нашелъ его тамъ; но въ бѣловомъ текстѣ подробность эта пропущена, и жалоба Федотова сводится къ другимъ, болѣе важнымъ обстоятельствамъ, которыя прямо свидѣтельствуютъ о неприязненныхъ отношеніяхъ между иностранцемъ и лицами, завѣдывавшими кумпанствами. По словамъ Федотова онъ отправилъ нужныя лекала съ четырьмя рабочими лосевского кумпанства, именно орловцами (изъ бывшаго города Орлова, нынѣ село Воронежскаго уѣзда), которые отвезли эти лекала къ Лосеву. Лосевъ же, „не хотя на то дѣло тѣхъ лѣсовъ готовить“, отослалъ лекала обратно къ Федотову.

Изложивъ этотъ рассказъ Федотова, „память“ Адмиралтейскаго приказа указывала, что подъемное судно и другое судно *снѡ* строятся на Рамонской пристани, что строить эти суда приспѣло и что къ тому строенію потребны 15 человекъ добрыхъ плотниковъ. Въ заключеніе Лосеву предписывалось взять у Ивана Федотова росписи и лекала, заготовить по нимъ лѣса

съ великимъ поспѣшеніемъ и отправить къ нему, Ѳедотову, 5 человѣкъ плотниковъ изъ числа рабочихъ людей его кумпанства. Что же касается до жалобы Ѳедотова и до битья орловцовъ, то Лосеву приказывалось поспѣшить доставленіемъ немедленно на Адмиралтейскій дворъ собственноручной сказки объ этихъ обстоятельствахъ. Къ сожалѣнію, въ подлинномъ дѣлѣ, изъ котораго мы извлекаемъ всѣ эти любопытныя въ бытовомъ отношеніи подробности, не сохранилось то объясненіе, которое требовалось отъ Лосева въ оправданіе принесенной на него Ѳедотовымъ жалобы, но изъ того же дѣла мы узнаемъ, что Лосевъ легко могъ быть выведенъ изъ терпѣнія медленностію Ѳедотова въ исполненіи его обязанности, его неясными требованіями и притязательными дѣйствіями. Прошло болѣе мѣсяца со времени первоначальнаго распоряженія Адмиралтейскаго двора, и за все это время Лосевъ не успѣлъ угодить Ивану Ѳедотову, а напротивъ еще болѣе обострилъ свои отношенія къ нему. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ оправдаться передъ начальствомъ и отправилъ 12 апрѣля на имя Апраксина съ товарищи, донесеніе, въ которомъ изложилъ слѣдующія обстоятельства: оказалось, что, хотя онъ и получилъ отъ Ѳедотова росписи и заготовилъ по нимъ брусья и доски, но его рабочіе не могли въ лѣсу найти такихъ кривуль, какіи требовались лекалами, именно изъ вѣтвей, тогда какъ корневья кривули или кокоры негодятся Ѳедотову, къ тому же въ росписяхъ этого иностранца не указано, изъ какого дерева должны быть эти кривули: изъ дуба или изъ сосны. Въ недоумѣніи Лосевъ неоднократно письменно обращался за разъясненіями къ Трофиму Стерлягову, завѣдывавшему рабочими въ другомъ, сосѣднемъ кумпанствѣ, и къ самому Ѳедотову; но по 12 апрѣля ни отъ того, ни отъ другаго не получилъ никакого отвѣта. Кромѣ того, не смотря на все свое желаніе удовлетворить требованіе Ѳедотова о снабженіи его плотниками и не смотря на посылку къ нему 5 человѣкъ коротоячанъ, которыхъ долженъ былъ отвлечь отъ рубки избъ, онъ все-таки не угодилъ ему. Не прочтя и даже не принявъ препроводительной отписки, Ѳедотовъ отослалъ ее обратно къ Лосеву вмѣстѣ съ коротояцкими плотниками и продолжалъ требовать другихъ рабочихъ. Въ заключеніе Лосевъ писалъ Апраксину, что другихъ рабочихъ у него нѣтъ, такъ какъ требовавшіеся Ѳедотову землянскіе плотники отосланы на работу въ Кумпанство Трофима Стерлягова. Вслѣдствіе такихъ извѣстій 13 ап-

рѣля Адмиралтейскій дворъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ подтвердилъ Лосеву свое прежнее требованіе и помѣтилъ: „лѣса по лекаламъ велѣть работнымъ людямъ пріискивать и готовить безо всякаго мотчанія..., а какія кривули, дубовыя или сосновыя, надобны и о томъ взять вѣдомость у Ивана Федотова..., а кривули по сказкѣ Ивана Федотова надобны сосновыя“. Что же касается до плотниковъ, то Федотову предоставлялось выбрать *самихъ добрыхъ* изъ числа орловцовъ по росписи рабочихъ людей, которымъ велись подробные именные списки, составлявшіеся на Адмиралтейскомъ дворѣ для провѣрки рабочихъ силъ у завѣдывающихъ кумпанствами. Въ тотъ же день, то есть 13 апрѣля, Федотовъ выбралъ орловцовъ: Шемаева, Чеботарева, Желтухина, Баранникова и Фролова. Какъ исполнилъ Лосевъ это распоряженіе Адмиралтейскаго двора, изложенное въ черновой „памяти“, помѣченной 13 апрѣля, намъ неизвѣстно, но въ подлинномъ дѣлѣ сохранились другіе документы, рисующіе подобныя же отношенія Федотова къ другому лицу, завѣдывавшему сосѣднимъ кумпанствомъ, именно къ Александру Михневу.

19 марта Иванъ Федотовъ писалъ въ Адмиралтейскій приказъ, замѣнявшій учрежденіе Адмиралтейскаго двора, о своихъ надобностяхъ по строенію кораблей, именно подъемнаго судна и судна *сно*, т. е. уже знакомою намъ безъимянной шнявы, строившейся на Рамонской пристани. Для этого дѣла ему надобны были 15 человекъ добрыхъ плотниковъ и четыре пилы, двѣ голландскія одноручныхъ и двѣ русскія двоеручныхъ, съ потребными пильщиками. Въ исполненіе этого требованія Адмиралтейскій приказъ распорядился отправить „память“ Александру Михневу съ приказаніемъ послать на Рамонскую пристань, тотчасъ указанныя пилы, 5 плотниковъ и 4 пильщика. При этомъ приказъ воспользовался случаемъ, чтобъ напомнить Михневу о заготовленіи лѣсовъ на подъемное судно „по иноземцовымъ росписямъ и лекаламъ“ и объ отсылкѣ ихъ въ подлежащее мѣсто.

30 марта Александръ Михневъ донесъ, что изъ числа заказанныхъ ему 266 сосновыхъ досокъ и 86 сосновыхъ брусковъ его рабочіе люди успѣли съ 17 по 28 марта изготовить 45 досокъ и 8 брусковъ. Въ опискѣ своей Михневъ во всѣхъ подробностяхъ приводитъ размѣры этихъ корабельныхъ припасовъ и упоминаетъ объ англійскихъ пальцахъ и футахъ, съ которыми онъ, повидному, успѣлъ справиться. Но относительно сосно-

выхъ кривуль онъ очутился въ такомъ же недоумѣніи, какъ и Иванъ Лосевъ. Федотовъ прислалъ ему для образца 2 лекала: одно крутое „короткой конецъ толщина и ширина по десяти пальцевъ“, и другое отложное, „толщина и ширина и длина противъ той же мѣры“; по первому образцу требовалось 117 кривуль, а по второму 83 ¹⁾. Цѣлую недѣлю, именно съ 17 по 25 марта, Усманскій сотникъ Карпъ Хотунцовъ и съ нимъ 100 человѣкъ работныхъ людей землянцовъ ходили по лѣсамъ, приискивая потребныя деревья по даннымъ образцамъ „и противъ тѣхъ лекалъ тою мѣрою такихъ кривуль не приискали для того, что такихъ сосновыхъ толстыхъ вѣтвей не бываетъ“. Въ подтвержденіе такого показанія А. Михневъ приложилъ подлинную сказку Усманскаго сотника и работныхъ людей, которую мы считаемъ не лишнимъ привести въ примѣчаніи, какъ образецъ наивности въ формахъ дѣлопроизводства того времени ²⁾.

Въ концѣ своей отписки, ссылаясь на указы 27 и 29 марта, которыми предписывалось сдѣлать изъ легкаго липоваго или осиноваго лѣса семь большихъ переѣздныхъ лодокъ, Михневъ извѣщалъ, что въ Воронежскихъ и Усманскихъ лѣсахъ „липова и осинова большаго дерева окрѣ дубу нѣтъ“ и предлагалъ сдѣлать эти лодки изъ дубу по примѣру отиравленныхъ въ Воронежъ въ 1699 году. Въ своей резолюціи Адмиралтейскій приказъ согласился съ мнѣніемъ Михнева о лодкахъ, но относительно кривуль опять-таки приказалъ ему „по лекаламъ.

¹⁾ О вѣшнихъ формахъ кривуль, которыя требовались для постройки судовъ, можно судить по ихъ изображеніямъ, приложеннымъ къ Исторіи Петра Великаго, Устрялова. Въ атласѣ картъ, плановъ и снимковъ, относящихся къ первымъ тремъ томамъ этого сочиненія (Сиб., 1858 г.), въ приложеніи 14 ко II тому помѣщены рисунки образцовъ корабельныхъ припасовъ, разсланныхъ по кумпанствамъ въ 1697 году. Въ этихъ рисункахъ *крутыя* кривули можно узнать подъ №№—II, III, V—VIII, XIV, а кривули отложныя подъ №№—I, IV, IX—XIII, XV и XVI.

²⁾ „1700 года марта въ 30 день Александру Трофимову сыну Михневу усманецъ работной человѣкъ, сотникъ Карпъ Хотунцовъ, да землянцы работные жъ люди десятники Василей да Петръ Кретининъ, Акимъ Бобрешовъ, Асей Уваровъ, Андрей Борчагинъ, Костентинъ Волковъ, Савелей Мукосѣевъ, Борисъ Бобрешовъ съ товарищи, сказали по святѣй, непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже ей, ей: посланы мы были, отъ него Александри, въ лѣса приискивать кривуль сосновыхъ по лекаломъ, каковы къ нему прислали отъ мастера Ивана Федотова мѣрою отъ вѣтвей короткой конецъ толщиною и шириною по десяти пальцевъ на подъемное большое корабельное судно; и ходили

прискивать и готовить со всякимъ радѣніемъ, гдѣ сыскать можно, безо всякаго замедленія“.

Въ такомъ же смыслѣ состоялась и „память“, отправленная Михневу во исполненіе означенной резолюціи.

Между тѣмъ Иванъ Федотовъ, исполняя возложенныя на него порученія, продолжалъ требовать изъ Адмиралтейскаго приказа все новыя и новыя матеріалы для построекъ. Припасы, за которыми онъ обращался въ Воронежъ, состояли изъ такихъ предметовъ, которые или продавались въ лавкахъ или же, что вѣроятнѣе, хранились въ центральныхъ складахъ Адмиралтейства. Въ двухъ сказкахъ Федотова, помѣченныхъ 17 и 20 апрѣля и писанныхъ подъячимъ Солодовниковымъ, на строеніе подъемнаго судна и судна *сно* ему понадобилось: канатъ толщиною пять пальцевъ, длиною 100 сажень, веревокъ толщиною въ 1½ пальца, длиною 300 сажень; *морлинъ* или бичевки 100 сажень, голландской нити 10 фунтовъ, полпуда коровьей шерсти, 12 напарей, 2 пилы голландскихъ ручныхъ и 6 пилъ для остренія палей. О доставкѣ потребныхъ предметовъ распоряженія отъ имени Апраксина были посланы къ Федору Пестрикову и къ „гостиной сотни Никифору Крупенникову“.

Что же касается до лицъ, завѣдывавшихъ кумпанствами, то Федотовъ продолжалъ оставаться съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ и 19 апрѣля послалъ на нихъ жалобу, адресованную на имя самого Государя. Въ жалобѣ этой Федотовъ ссылается на то, что А. Михневъ, Иванъ Лосевъ и А. Веневитиновъ доставляютъ къ нему такіе матеріалы, которые въ большинствѣ въ дѣло не годятся, потому что, то „худы, коротки

мы по лѣсамъ съ тѣми лекалами, прискивали такихъ толстыхъ сосновыхъ кривуль марта съ 17 числа марта жъ по 25 число инябшняго 1700 году и противъ тѣхъ лекаль тою мѣрою такихъ кривуль мы не нашли и сыскать ихъ невозможно для того, что такую толщиною сосновыя вѣтви не бываютъ; а будетъ мы утаили и сказали въ сей своей сказкѣ что ложно, и за утайку лѣсовъ и за лживую нашу сказку Великій Государь указалъ бы взять на насъ пеня и учинить намъ наказаніе, а пеня и наказанія намъ, что Великій Государь укажетъ; то наша и сказка Къ сей сказкѣ усманецъ Ларка Поповъ вмѣсто Карпа Хотунцова по его велѣнью руку приложилъ. Къ сей сказкѣ землянецъ Архипка Гущинъ вмѣсто землянцовъ десятниковъ Василья да Петра Кретиныхъ, Акима да Бориса Бобрешовыхъ, Асея Уварова, да Андрея Корчагина, Костентина Волкова, Савелья Мукосѣева съ товарищи, по ихъ велѣнью, руку приложилъ“.

и гнилы“, то „худы, коротки и тонко тесаны“. Вслѣдствіе этого, заботясь прежде всего о собственной отвѣтственности, Ѳедотовъ въ заключеніе пишетъ: „будетъ они, Александра Михневъ да Иванъ Лосевъ, да Антонъ Веневитиновъ, изъ кумпанствъ своихъ не пришлютъ кривуль и досокъ и брусевъ, такъ дѣло все станетъ; чтобъ мнѣ отъ Великаго Государя въ опалѣ не быть“. Черезъ 10 дней послѣ того, именно 29 апрѣля Ѳедотовъ потребовалъ 5 бударь для свозки корабельныхъ лѣсовъ въ городъ Воронежъ. Это новое требованіе было вызвано распоряженіемъ Адмиралтейскаго приказа, состоявшимся вслѣдствіе прежняго царскаго указа о заготовкѣ лѣса на 19 кораблей, строившихся въ Воронежѣ. Мѣстомъ заготовки было назначено Кумпанство Переиля Михнева. Для возки заготовленныхъ лѣсовъ Ѳедотову нужны были струги, и онъ просилъ позволенія для этой цѣли воспользоваться ветхими бударами, стоящими на Рамонской пристани ¹⁾. Мы увидимъ далѣе, что эти Рамонскія будары послужили къ новому и крупному столкновенію Ѳедотова съ мѣстнымъ начальствомъ. Адмиралтейскій приказъ лишь 3 мая отвѣчалъ на вышеупомянутыя жалобы и новое требованіе Ѳедотова. Такое необычное промедленіе, по всей вѣроятности, обусловлено было необходимостью предварительно рѣшить вопросъ о томъ, на сколько Лосевъ, Михневъ и Веневитиновъ были виновны въ неисполненіи приказаній Ѳедотова. Очень можетъ быть, что Апраксинъ убѣдился доводами названныхъ лицъ, отрипавшихъ возможность найти въ подвѣдомственныхъ имъ лѣсахъ такія кривули, которыя указывались лекалами Ѳедотова. Изъ донесеній завѣдывавшихъ кумпанствами мы видѣли выше, что они могли доставить кривули, идущія отъ корня, но не отъ вѣтвей. При известной густотѣ лѣса вообще нельзя предполагать, чтобы въ высокихъ соснахъ сохранялись нижнія вѣтви, которыя обыкновенно опадаютъ по мѣрѣ роста дерева. Слѣдовательно, практическія отповѣди Лосева, Михнева и Веневитинова вполнѣ совпадали съ теоретическими данными науки; но Ѳедотовъ, какъ мы знаемъ, не соображался съ такими затрудненіями и требовалъ невозможнаго. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли желанія облегчить отвѣтственность Михнева, Лосева и Веневитинова, которые

¹⁾ Всѣ эти подробности объясняются изъ „Памяти Ѳедору Веневитинову о дачѣ конопати и смолы на почачку струговъ для возки лѣса“. „Память“ эта напечатана Елагинымъ въ Приложеніи IV № 41 (Приложенія, ч. I, стр. 469—470).

изъ мѣстныхъ жителей пользовались особеннымъ расположеніемъ Петра Великаго, или потому что въ другихъ лѣтныхъ участкахъ можно было найти болѣе подходящія для кораблестроенія матеріалы; но дѣло въ томъ, что Адмиралтейскій приказъ распорядился перевести постройку Федотовымъ подъемнаго судна и шнявы въ другое кумпанство, именно въ то, которое находилось въ завѣдываніи другаго Михнева, Переиля, и въ которомъ Федотовъ уже готовилъ лѣсъ на 19 кораблей, строившихся въ Воронежѣ. Распоряженіе это составляетъ предметъ указа 30 апрѣля, который, предписывая Веневитинову и Лосеву вывезть на Рамонскую пристань всѣ уже приготовленные ими на подъемное судно лѣса и остановиться въ дальнѣйшей заготовкѣ этихъ лѣсовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поручаетъ имъ заготовить въ своихъ кумпанствахъ припасы для инаго корабельнаго строенія и рубить пзбы и клѣтн, назначенныя для мастеровыхъ пзъ русскпхъ и иноземцевъ. Помѣта, сдѣланная 3 мая на вышензложенной жалобѣ Федотова, ссылается на только-что приведенный указъ 30 апрѣля, а по вопросу о бударахъ, потребныхъ для возки лѣса въ Воронежъ, указываетъ на 5 струговъ, стоящихъ на Рамонской пристани, и назначаетъ Федотову починить и выконопатить эти струги работными людьми Рамонскаго Кумпанства, а конопать и смолу для этой цѣли взять у Федора Веневитинова. Исполненіе резолюціи послѣдовало 10 мая, когда были посланы соотвѣтственныя „памяти“ Переилю Михневу, Ивану Федотову и Федору Веневитинову¹⁾. Послѣднему предписывалось выдать Федотову конопать, пеньку и смолу „сколько пристойно“ безъ задержанія, но подъ росписку, и о количествѣ выданныхъ припасовъ письменно довести приказу Адмиралтейскихъ дѣлъ.

А. Веневитиновъ, И. Лосевъ и А. Михневъ, конечно, рады были избавиться отъ навязчивыхъ требованій притязательнаго корабельнаго мастера, но нашъ очеркъ отношеній Федотова къ мѣстному населенію былъ бы не полонъ, еслибы мы не упомянули еще объ одномъ столкновеніи его, притомъ весьма крупныхъ размѣровъ, съ людьми, подчиненными другому начальству, именно власти Воронежскаго воеводы, которымъ въ 1700 г. былъ Еремѣй Назарьевичъ Хрущовъ.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на усиленную дѣятельность

¹⁾ О „памяти“ Ф. Веневитинову, напечатанной у Елагина, мы уже имѣли случай упомянуть выше.

для создавашагося Черноморскаго флота, въ Воронежѣ не прекращалась обычная дѣятельность мѣстнаго начальства по отправкѣ къ Донскимъ казакамъ государева жалованья, состоявшаго въ хлѣбѣ, вѣнѣ, порохѣ, оружіи и т. д. и ежегодно со временъ Михаила Федоровича постоянно доставлявшагося въ Черкасскъ. Всѣ эти предметы сплавлялись изъ Воронежа по Дону на особыхъ судахъ, строившихся въ тѣхъ же самыхъ лѣсахъ, которые потребовались для неудавшагося плана Петра Великаго. Со времени азовскихъ походовъ т. е. со второй половины послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка, постройка судовъ, назначавшихся въ *донской отпускъ*, и до тѣхъ поръ почти ежегодно возобновляемыхъ, стала особенно затруднительною, и Воронежскіе воеводы принуждены были для этой цѣли по возможности пользоваться тѣми старыми бударами, которыя коегдѣ оставались отъ прежнихъ посылокъ казацкаго жалованья. Помимо громадной потребности лѣса для строившагося морскаго флота, мѣстная Воронежская администрація была поставлена относительно Донскихъ отпусковъ еще и въ то невыгодное положеніе, что авторитетъ ея значительно пострадалъ отъ перевода въ Воронежъ центрального адмиралтейскаго управленія. Взаимныя столкновенія двухъ вѣдомствъ, изъ которыхъ одно было общегосударственнымъ, а другое мѣстнымъ, явились неизбежными въ той области дѣятельности, которая служила для различныхъ цѣлей. При этомъ столкновенія были тѣмъ рѣзче, чѣмъ менѣ значенія и авторитета связывалось съ представителями той или другой власти. „Паны дерутся, у хлопцовъ чубы летятъ“; пословица эта оправдывалась на многихъ примѣрахъ, изъ которыхъ мы указываемъ на слѣдующій, кстатъ имѣющій прямое отношеніе къ б Рамонскимъ бударамъ, предоставленнымъ въ распоряженіе Федотова для свозки корабельныхъ припасовъ въ Воронежъ.

Весною того же 1700 года, въ которомъ происходили вышеизложенныя событія, Воронежскій воевода Хрущовъ долженъ былъ въ числѣ своихъ ежегодныхъ обязанностей озаботиться подготовкою судовъ для сплава казацкаго жалованья. Не имѣя, вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ, возможности построить новыя будары, онъ сталъ разыскивать старыя суда, оставшіяся отъ прежнихъ отпусковъ, и въ числѣ ихъ вспомнилъ о пяти стругахъ, стоявшихъ на Рамонской пристани. Изъ числа этихъ струговъ ему, повидимому, предоставлено было воспользоваться двумя, но, по всей вѣроятности, разрѣшеніе это не

было соображено съ тѣмъ порученіемъ, которое въ одно и то же время было дано иноземцу Ивану Ѳедотову, получившему право отправлять въ Воронежъ лѣса на всѣхъ пяти ѣстругахъ. Для осмотра и починки двухъ изъ нихъ, назначенныхъ въ Азовскій отпускъ подъ хлѣбныя запасы, былъ отправленъ Хрущовымъ въ село Рамонь Климъ Курсибинъ, подъячій Воронежской приказной избы, а въ помощь и для работы даны ему нѣсколько человекъ Воронежскихъ станичниковъ, пушкарей и Елецкихъ гребцовъ. Приѣхавъ въ Рамонь, Курсибинъ нашелъ лишь одинъ стругъ, который починилъ и согналъ по рѣкѣ Воронежу ниже на другую пристань къ тому мѣсту, гдѣ Иванъ Ѳедотовъ построилъ въ лѣсу куреніи для своихъ рабочихъ. Спущенный изъ Рамони стругъ былъ самовольно раскрытъ Иваномъ Ѳедотовымъ, который снялъ съ него кровлю, то есть вѣроятно палубу, а бывшіе на немъ лѣсные припасы Курсибину пришлось прибрать на сосѣдніе дворы мѣстныхъ жителей. Другой стругъ Курсибинъ взялъ на Ступинской пристани у Ѳедора Веневитинова и поставилъ возлѣ перваго струга. Про кровлю перваго струга и про остальные четыре Рамонскіе струга, изъ которыхъ Курсибину удалось захватить только одинъ, найденный не въ Рамони, а въ Ступинѣ, мѣстные караульщики сказали ему, что тѣ суда взялъ грекъ Иванъ Ѳедотовъ. Воронежскій воевода, повидимому, зналъ про этотъ захватъ и былъ имъ недоволенъ, потому что въ наказной „памяти“, данной Курсибину, послѣднему предписывалось допросить какъ самаго Ѳедотова, такъ и его рабочихъ, а равно и пососныхъ людей села Рамони, „взялъ ли онъ тѣ струги и про взятые съ тѣхъ струговъ кровли и строеніе куреней“. Исполнивъ возложенное на него порученіе и желая свидѣтельскими показаніями подтвердить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, Курсибинъ, захватя съ собою изъ Рамони Степана Щеголева-таго и крестьянина Сережку Косаго „съ товарищи“, отправился въ Воронежъ на двухъ бударахъ, на которыя, кромѣ упомянутыхъ лицъ, сѣли еще воронежецъ Ермилъ Кулешовъ, станичники, пушкарѣ и Елецкіе гребцы. Не успѣли они отѣхать отъ пристани, какъ ихъ догналъ Иванъ Ѳедотовъ, „собрался съ плотники и съ работными людьми, самъ съ пистольми, а плотники и работные люди съ палочьемъ“. Произошла отчаянная схватка, во время которой Курсибинъ и его спутники сильно были побиты, а будары направлены обратно къ пристани. Курсибина связали и вмѣстѣ съ его рабочими

повели къ Ѳедотову на постоянный дворъ. По дорогѣ туда ему пришлось опять пострадать отъ побоевъ и грабежа; у него оборвали „поясъ съ мошною, въ мошнѣ денегъ было 14 алтынъ, да ножъ стянули, цѣна 8 алтынъ 2 деньги, да отняли изъ цѣпи полтора рубля, да онъ Иванъ взялъ у меня пицаль турку съ ноголицемъ, цѣна шесть рублей“. Не удовольствовавшись этимъ грабежемъ, Ѳедотовъ выдержалъ связаннаго Курсибина цѣлый день подъ карауломъ, мучилъ его, не далъ росписки въ лѣсныхъ припасахъ, которые были сняты съ струговъ, и распустилъ взятыхъ изъ Рамони въ качествѣ свидѣтелей посошныхъ людей, Сережку Косаго и его товарищей. Всѣ эти обстоятельства и бывшія съ нимъ приключенія Курсибинъ подробно изложилъ въ своей челобитной, которую оканчиваетъ просьбою осмотрѣть *его бой* и произвести про его грабежъ розыскъ, для чего въ качествѣ свидѣтелей допросить станичниковъ, пушкарей и Елецкихъ гребцовъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о судьбѣ этого челобитья и о дальнѣйшихъ подвигахъ иноземца Ивана Ѳедотова.

Изложенныя свѣдѣнія объ этихъ подвигахъ извлечены нами изъ столбцевъ, хранящихся въ архивѣ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета.

II.

Лѣсные пожары.

Петру I, когда онъ строилъ въ Воронежѣ свой флотъ, приходилось встрѣчаться и бороться со многими затрудненіями и препятствіями. Найдя строевой лѣсъ на берегахъ Воронежа, онъ успѣшилъ конфисковать его или, какъ говорится въ актахъ того времени, *описать* и отвести на корабельное строеніе. Но одной этой формальности было недостаточно. Описанный лѣсъ надо было беречь и охранять отъ порубокъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ, отъ расхищенія и утраты тѣми лицами, которыя обращались въ адмиралтейство съ просьбами о выдачѣ имъ самыхъ необходимыхъ для жизни матеріаловъ, какъ-то: деревьевъ для постройки избъ и валежнику для топлива, и которыя, надо сказать, удовлетворялись, на сколько было возможно. Эпоха воронежскаго судостроенія поэтому является,

собственно говоря, начальнымъ періодомъ нашего лѣснаго законодательства. Но, опредѣляя взаимныя границы правъ на лѣса — съ одной стороны казны, а съ другой — частныхъ владѣльцевъ, государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ мѣры къ охраненію лѣсовъ и отъ другихъ случайностей, напр. пожаровъ. Въ то время хотя лѣса далеко не были расхищены, какъ теперь, и цѣли сравнительно весьма незначительную цѣнность, но они часто страдали отъ небрежности мѣстнаго населенія, которое выжигало цѣлыя рощи, обращая ихъ въ пашню и, пася скоть, не стѣснялось въ топливѣ для избыткихъ пастуховъ. Небрежное отношеніе къ лѣсамъ со стороны мѣстныхъ жителей оправдывалось примѣромъ самого правительства, которое еще въ 1571 году жгло степи, а вмѣстѣ съ ними, безнамѣренно, и лѣса, для предупрежденія набѣговъ татаръ и для облегченія надзора за ихъ сакмами (тропами) ¹⁾.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени взглядъ правительства перемѣнился, и оно стало дорожить лѣсами, особенно тамъ, гдѣ они могли служить населенію скрытными притонами отъ нападений кочевниковъ. Такъ, въ 1672 г., жителямъ по берегу рѣки Усмани было запрещено губить и истреблять лѣса близко заповѣдныхъ мѣстъ и крѣпостей; запретъ этотъ былъ вызванъ жалобою воронежскаго воеводы Самарина на воронежцевъ всякихъ чиновъ людей, которые „переѣзжаютъ за рубежъ въ усманскую сторону за р. Воронежъ безпрестанно и усманскіе лѣса рубятъ и пустошатъ и живутъ въ тѣхъ лѣсахъ многое время и всякія издѣлья дѣлаютъ, и дороги и стежки съ степи накладываютъ и на степь проѣзжаютъ и въ лѣсахъ они кладутъ и пожары пуцаютъ, и отъ того-де усманскимъ заповѣднымъ лѣсамъ и засѣкамъ и деревяннымъ всякимъ крѣпостямъ чинится поруха“ ²⁾. Донскіе плавные отпуски и азовскіе походы еще болѣе понудили правительство дорожить лѣсомъ и новыми поводами подкрѣпили его заботы о лѣсоохраненіи.

Обративъ вниманіе на воронежскіе лѣса, какъ на матеріаль для кораблестроенія, Петръ оцѣнилъ этотъ матеріаль дороже, чѣмъ мѣстное населеніе, и сталъ оберегать его и отъ порубокъ, и отъ стихійнаго истребленія. На сколько Петръ Великій

¹⁾ См. объ этихъ пожарахъ степей въ извѣстной статьѣ И. Дм. Бѣлзена „О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства“.

²⁾ Л. Б. Вейябергъ, „Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній“, т. I, Воронежъ, 1887 г. (№ 62, стр. 80—81).

опасался пожаровъ не только въ лѣсахъ, но и въ степяхъ, свѣдѣтельствуютъ многія несомнѣнныя историческія данныя. „Для Бога зажажи степей жечь“, — пишетъ онъ адмиралтейцу Ѡ. М. Апраксину, въ 1705 г. — „самъ нынѣ видѣлъ, какъ лѣса отъ нихъ пропадаютъ“¹⁾. Яркій примѣръ его заботливости о предупрежденіи лѣсныхъ пожаровъ мы находимъ въ указѣ 26 апрѣля 1696 г. Узнавъ, что „въ Орловскомъ уѣздѣ, вверхъ по рѣкѣ Воронежу, въ борахъ, гдѣ струговое дѣло, закигаютъ лѣса, и отъ того струговому дѣлу чинится великое нарушеніе и морскому воинскому походу остановка“, Петръ приказалъ послать въ Орловскій уѣздъ „съ Орлова изъ дворянъ человѣка добра да съ нимъ двадцать человѣкъ или больше изъ какого чину пристойно“. Посланные обязаны были гасить зажженные лѣса и смотрѣть накрѣпко, чтобъ лѣсовъ отнюдь не зажигали. За несоблюденіе этихъ обязанностей и, въ случаѣ недосмотра, за пожарные убытки посланнымъ грозила смертная казнь²⁾. Въ архивѣ Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета сохранились еще неизданные документы, яркими бытовыми чертами рисующіе заботы Петра въ этомъ направленіи и подтверждающіе наше заключеніе о небрежности мѣстныхъ жителей въ отношеніи огня. Мы считаемъ лишнимъ воспроизвести существенныя подробности этихъ документовъ, особенно въ виду тѣхъ заботъ о сохраненіи лѣсовъ, которыми наше правительство такъ занято въ настоящее время.

12 іюня 1700 г. въ Воронежѣ въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ явились два воронежца, завѣдывавшіе заготовленіемъ лѣсныхъ припасовъ на корабельное строеніе въ Воронежскомъ и Усманскомъ уѣздахъ, въ лѣсахъ, описанныхъ думнымъ дворяниномъ Ив. Петр. Савеловымъ и дьякомъ Никитою Павловымъ. Эти два воронежца были Антонъ Веневитиновъ и Иванъ Лосевъ. Цѣль ихъ появленія передъ адмиралтейцемъ Ѡ. М. Апраксинымъ, главнымъ начальникомъ названнаго учрежденія, заключалась въ донесеніи о небрежности лѣсныхъ объѣзчиковъ, которымъ приказано объѣзжать и беречь лѣса и по винѣ которыхъ „многіе лѣса выгорѣли“. По просьбѣ Веневитинова и Лосева Апраксинъ приказалъ записать ихъ извѣст

¹⁾ Елагинъ, Исторія русскаго флота, Сиб., 1864 г. Приложенія, ч. II стр. 52 (Приложеніе IV, № 152).

²⁾ „Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній“ кн. I, Воронежъ, 1861 г., (стр. 450).

и послать пристава для привода въ Воронежъ виновныхъ объѣзчиковъ. Лица, на которыхъ была подана жалоба, были слѣдующіе мѣстные воронежскіе помѣщики, принадлежавшіе къ числу служилыхъ людей: Тимоѣй Алтуховъ—изъ села Николова, Петръ Пареной и Агафонъ Кашириновъ—изъ с. Углянска, Филиппъ Грибцовъ—изъ с. Бороваго, Харламп Солнцевъ—изъ с. Бобякова и Дементій Аносовъ—изъ с. Мечка. Кромѣ того, изъ Усманскаго уѣзда Фроль Сонинъ, Яковъ Соломахинъ и Кузьма Салмановъ—изъ с. Пчельниковъ, Наумъ Дикоревъ и Ермоль Дробышевъ—изъ села Бѣляева, Малаѣей Мартиновъ—изъ с. Песковатаго, Степанъ Колесниковъ и Гурь Кунаковский—изъ с. Куликова и, наконецъ, Антонъ Кунаковский—изъ с. Савицкаго.

Получивъ изъ приказа Адмиралтейскихъ дѣлъ „память“, помѣченную 14 іюня, приставъ Мартинъ Нестеровъ отправился въ Воронежскій уѣздъ, въ Карачунскій и Усманскій станы, за лѣсными объѣзчиками, а 18 числа уже успѣлъ предъявить въ приказѣ усманцовъ Сонина, Соломахина, Салманова, Антона и Гура Кунаковскихъ и Степана Колесникова; вмѣсто Наума Дикорьева явился сынъ его Якушка, а вмѣсто Ермола Дробышева его братъ Кирилль. Первые шесть человекъ, обязанные объѣзжать и беречь описные лѣса по рѣкѣ Воронежу противъ села Пчельниковъ и противъ селъ Савицкаго, Бороваго и Куликова, были подвергнуты допросу и дали слѣдующее показаніе въ май мѣсяцѣ 1700 г.: „а въ которомъ числѣ не упомянуть“, въ кумпанствахъ Антона Веневитинова и Ивана Лосева горѣть лѣсъ противъ села Пчельниковъ въ томъ участкѣ, въ которомъ работаютъ на корабельное строеніе; пожаръ произошелъ оттого, что подлѣ лѣса облигали пашни „села Ступина жители, а кто—пмяны не упомянуть“. Хотя лѣсные объѣзчики и сообщили о томъ въ село Ступино жителямъ и мѣстному заказчику Макару Сятникову, которые успѣшили затушить тотъ пожаръ, но тѣмъ не менѣе отъ этого случая лѣсу выгорѣло пространствомъ версты на двѣ въ длину и поперекъ на полверсты, въ какомъ пространствѣ былъ одинъ дровяной лѣсъ, а корабельнаго, то-есть строеваго, не было. Другой пожаръ, отъ котораго сгорѣло противъ села Савицкаго мелкаго сосняку на четыре версты въ длину и поперекъ, произошелъ отъ неизвѣстной причины и начался отъ рѣки Воронежа отъ села Гремячего. Сами объѣзчики въ этотъ день находились на объѣздѣ въ иныхъ урочищахъ, а начало пожара замѣтилъ лѣсной караульщикъ изъ

села Курина Кузьма Толстой, который стережетъ лѣсные припасы и можетъ объяснить, отчего тотъ лѣсъ загорѣлся. Про оба случая было своевременно словесно сообщено Антону Веневитинову самими привлеченными къ допросу объѣздчиками, которые сознали однако себя виновными въ томъ, что своевременно донесеніемъ не предупредили въ приказѣ извѣта Веневитинова и Лосева. Впрочемъ они не согласны съ обвиненіями извѣта и, вопреки показанію Веневитинова и Лосева, „лѣса непрестанно объѣзжаютъ и берегутъ“. Допросъ Якова Дикорева и Кирилла Дробышева имѣлъ предметомъ выяснить, почему они явились вмѣсто своихъ родныхъ, которыхъ имъ вовсе не было приказано замѣнять даже въ объѣздѣ лѣсовъ; Яковъ Дикоревъ объяснилъ, что отецъ его Наумъ поѣхалъ къ Москвѣ, „а по какому указу и для какого дѣла, того не вѣдаетъ“, а Кириллъ Дробышевъ оправдывалъ свою явку тѣмъ, что братъ его Ермола сидитъ на Усманскомъ кружечномъ дворѣ выборнымъ отъ горожанъ головою. Допрошенные лица были всѣ поголовно не грамотныя, и допросную ихъ сказку подписалъ Иванъ Токаревъ, стрѣлецъ Бѣлгородскаго жилаго полка Осипа Григорьевича Булгакова. Мы увидимъ далѣе, что Адмиралтейскій приказъ не повѣрилъ голословному показанію Кирилла Дробышева и для провѣрки его словъ затребовалъ изъ Усмани подтвердительные документы.

Другой приставъ, еще 14 іюня снабженный „памятью“ о приводѣ лѣсныхъ объѣздчиковъ къ допросу, былъ Василій Медвѣдевъ. 19 іюня онъ прислалъ въ приказъ лѣснаго заказнаго голову Петра Паренаго и лѣсныхъ объѣздчиковъ А. Каширинова, Т. Алтухова, Ф. Грибцова и Харлама Солнцева. По ихъ показанію лѣсные пожары въ кумпанствахъ Веневитинова и Лосева случились въ теченіе мая мѣсяца и произошли отъ небреженія работныхъ людей, которые „стоятъ въ тѣхъ лѣсахъ по станамъ, кладутъ огни и покидаютъ безъ сторожи“. Затѣмъ Петръ Пареной „съ товарищи“ старались оправдываться въ томъ, что не поѣхали своевременно въ Воронежъ, двумя причинами: во-первыхъ тѣмъ, что, не смотря на неоднократные ихъ доклады А. Веневитинову и желаніе послѣдняго писать въ приказъ, онъ не сдѣлалъ этого по неизвѣстной имъ причинѣ; а во-вторыхъ тѣмъ, что сами они не могли ѣхать въ Воронежъ изъ-за невозможности оставить лѣса безъ присмотра, такъ какъ назначенные въ помощь имъ 12 человекъ изъ разныхъ селъ почему-то лѣсовъ не объѣзжаютъ и съ ними вмѣстѣ не

берегутъ. Этотъ допросъ, подписанный тоже стрѣльцомъ Бѣлогородскаго Булгаковскаго полка Пронкою Бородинымъ, заканчивался уже извѣстнымъ намъ оправданіемъ отъ извѣтовъ въ неисполненіи обязанностей по объѣзду и береженію лѣсовъ. Хотя изъ числа лѣсныхъ объѣздчиковъ не было розыскано три человека, изъ которыхъ одинъ, Наумъ Дикоревъ, былъ въ Москвѣ, а другой, Ермоль Дробышевъ, служилъ въ Усмани на кружечномъ дворѣ, и кромѣ того Петръ Пареной оговорилъ вновь 12 человекъ, за которыми не было еще послано; но Апраксинъ счелъ возможнымъ удовлетвориться уже добытыми свѣдѣніями и 24 іюня постановить рѣшеніе, которое намъ всего лучше привести въ подлинныхъ выраженіяхъ: „Лѣснымъ объѣздчикамъ“, — гласила резолюція адмиралтейца, — „за недомостръ лѣсовъ учинить наказаніе, вмѣсто кнута бить батоги и лѣса велѣть имъ объѣзжать непрестанно и смотрѣть накрѣпко, чтобъ тѣмъ лѣсамъ отнюдь никакія порухи не было; а которой объѣзжій сторожъ безъ указа поѣхалъ къ Москвѣ, и какъ онъ съ Москвы пріѣдетъ, а сыскавъ учинить ему наказаніе, бить кнута; а которой на кружечномъ дворѣ головою и о томъ послать на Усмань къ воеводѣ указъ, велѣть ему отписать: въ головы онъ взять по указу Великаго Государя, и выборъ на него есть ли, и вмѣсто себя кому онъ тѣ лѣса объѣзжать приказалъ? А противъ сказки Петра Паренаго по достольныхъ сторожей послать нарочно пристава, велѣть ему взявъ ихъ привести на Воронежъ; а къ Антону Веневитинову и къ Ивану Лосеву послать указы съ подкрѣпленіемъ, велѣть имъ тѣхъ лѣсовъ беречь накрѣпко, чтобъ работные люди близко тѣхъ лѣсовъ огни не раскладывали и въ день у тѣхъ огней безъ караулу бѣ не было, а къ ночи бѣ тѣ огни заливали водою. А буде ихъ, Антоновымъ и Ивановымъ, недосмотромъ учинится тѣмъ лѣсамъ отъ огней какая поруха, и имъ за то учинено будетъ наказаніе и доправлена на нихъ будетъ пеня большая; а работнымъ людямъ, отъ кого такая поруха тѣмъ лѣсамъ учинится, учинено будетъ жестокое наказаніе и сосланы будутъ въ ссылку“. Исполненіе этой резолюціи не заставило себя ждать. 24 іюня лѣсные объѣздчики были подвергнуты наказанію за недомостръ лѣсовъ, „вмѣсто кнута бити батоги и лѣса велѣно имъ объѣзжать непрестанно и смотрѣть накрѣпко, чтобъ тѣмъ лѣсамъ отнюдь никакія порухи не было“. 26 іюня деньщикъ Андрей Селявинъ получилъ изъ приказа „память“ съ порученіемъ ѣхать въ Ус-

и уѣздомъ выбрали къ его Великаго Государя“ (и т. д., какъ въ вышеизложенномъ полномъ титулѣ) „въ таможеню и на кружечный дворъ къ денежному сбору: въ головы изъ дворянъ Ермола Иванова сына Дробышева; въ цѣловальники изъ казаковъ Еремея Фролова, Осипа Смольянинова, изъ пушкарей Еремея Коробкина; для письма подъячаго Григорія Федорова; люди они добрые, правдивые и не пьяницы и съ такое его, Великаго Государя, дѣло ихъ будетъ и вѣрять имъ въ томъ, Великаго Государя въ денежномъ сборѣ, мочно. Въ томъ мы уѣздные городскіе люди на нихъ и выборъ дали, а выборъ писаль усманецъ Поликарпъ Подряднигъ“.

Вслѣдствіе полученныхъ изъ Усмани документовъ, Адмиралтейскій приказъ успокоился на счетъ уклоненія Е. Дробышева отъ обязанности охранять лѣса, но не успокоились самые лѣсные объѣзчики, проученные допросами и битьемъ батогахъ. 23 августа явился въ Воронежъ Петръ Пареной съ товарищи и заявилъ, что въ Кумпанствѣ Антона Веневитинова и Александра да Перфилья Михневыхъ горять лѣса отъ небереженія работныхъ людей, и что лѣсные объѣзчики изъ усманцевъ вообще лѣса не объѣзжаютъ и не берегутъ. Апраксинъ въ тотъ же день поспѣшилъ воспользоваться этимъ доносомъ для нѣкоторыхъ распоряженій. Онъ приказалъ послать указы въ кумпанства къ названнымъ тремъ лицамъ съ подтвержденіемъ имъ „тѣхъ лѣсовъ отъ огненнаго запаленія беречь съ великимъ опасеніемъ“, а для безпрестаннаго объѣзда лѣсовъ и въ виду недостаточности числа объѣзчиковъ дать имъ въ прибавку до зимняго пути по 10 человекъ работныхъ людей съ каждаго кумпанства. Что же касается до Усманскихъ объѣзчиковъ, на которыхъ жаловался Петръ Пареной, то и они были вызваны въ Воронежъ къ допросу и имъ, по приговору ихъ прочихъ товарищей, грозило „жестокое наказаніе и битые батоги вмѣсто кнута“.

А. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина
Р 0555.122